

ՕՎԱՆԵՍ ԱՅՆԱՍՅԱՆ

ОВАНЕС АЗНАУРЯН

В ОЖИДАНИИ
ВЕСНЫ

Москва
2020

УДК 821.161.1-31(479.25)
ББК 84(5Арм)-44
А35

В оформлении переплета
использован рисунок *Алексея Дурасова*

Азнаурян, Ованес.

А35 В ожидании весны / Ованес Азнаурян. —
Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-114041-0

«Утром всегда восходит Солнце, после Зимы всегда наступает Весна». В этом уверен один из героев романа, старый писатель Ара Маноян, которому предстоит пережить сложные годы развала Советского Союза и непрекращающиеся волнения в Нагорном Карабахе.

Азнаурян — сердце современной Армении, он помнит историю страны и хранит ее в своих произведениях.

УДК 821.161.1-31(479.25)
ББК 84(5Арм)-44

© Азнаурян О., текст, 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-114041-0 ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*В нулевые
было больше надежды
на будущее*

Пролог

Տ էր, ողորմեա՛ւ. Տ էր, ողորմեա՛ւ. Տ էր, ողորմեա՛ւ.¹
...все кончилось, и все потеряло смысл. Жизнь, вся та же жизнь стала отныне черно-белой, и ничто больше не радовало. Не было красок: ни весной, ни летом, ни даже осенью. А зимой была опять смерть. Черно-белая, но чаще — серая. Ах! Серая, серая жизнь! Ненужная, бессмысленная, как жизнь бездомной собаки, которая тычется носом в куче мусора, но не находит ничего съестного. Люди перестали есть, что ли? Неужели люди не едят больше мяса? Видимо, нет. Иначе были бы и кости. Боже, хотя бы косточку! Одну!

— Иди, дружок. Ничего тут нет. Помирай, дружок, потому что жизнь кончилась, потому что все уезжают.

* * *

Տ էր, ողորմեա՛ւ.

И осталась одна большая, жирная клякса.

И пианино было испорчено, и поэтому аккорд, весь черный и густой, продолжал звучать, хоть

---

¹ Господи, помилуй! (арм.)

Ованес АЗНАУРЯН

пальцы и оторвались от клавиш. А может, кто-то забыл снять ногу с педали? Продолжает давить на газ и скоро врежется в стену или слетит с поворота? Да, конечно, в пропасть. И конечно, пианино сожгут, чтоб согреться, и клякса испортит весь лист, и придется заново переписывать. Всегда переписывать. Переписывать до стены, до черного аккорда.

* * *

Տէր, յղարձիւն՝ .

Все поменялось. Стихи стали прозой, и Поэт не улыбается, когда весной на деревьях появляются почки, и не плачет, когда осенью опадает последний лист. Поэт лишь копается в куче мусора. Տէր, յղարձիւն՝ . Почему люди стали травоядными?

Потому что сожгли пианино, потому что нет сил переписывать сначала.

* * *

Так было в 90-е. А потом случилось обнуление. Время стало стремительно убежать вперед, и всем начало казаться, что удалось оседлать *время бегущее*. И улететь навстречу рассвету. Ведь когда время движется, кажется, что рассвет уже скоро. Что после ночи не наступит ночь. Что после зимы не будет снова зима. И что будет вечер, будет утро, наступит день и взойдет солнце. И мы скажем тогда: «Был Вечер, было Утро, и вот наступил День и взошло Солнце». Мы посмотрим вокруг: вот это — река, это холмы,

В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ

горы, это — озеро, а это — лес. И тогда река станет Рекою, гора — Горою, холмы — Холмами, и озеро будет знать, что оно — Озеро, а лес — что он Лес. Мы посмотрим на небо и скажем, что вот это — Небо, высокое, синее, а по Небу плывут облака, и Облака будут плыть, как яхты. И это потому, что мы всему даем имя, и, если б не было Человека, ничто не знало бы, что Оно то, что Оно есть — Ничто. . .

И не будет больше такого, чтоб после Ночи была Ночь, но после Ночи всегда будет Утро, и взойдет Солнце. Оно есть всегда, даже если идет дождь и ты не видишь Его.

Тогда я, Ара Маноян, последний старик из прошлого, отшельник-писатель, вернусь в свой родной город, встану на площади и закричу:

— Смотрите, восходит Солнце! Разве вам недостаточно знать, что Солнце всегда есть? Я счастлив от того, что знаю это! Я знаю: Оно взойдет, и я счастлив! Я знаю, что после Зимы уже будет Весна. А разве вам недостаточно, что и вы это знаете? Разве не должно ваше Сердце биться спокойнее от того, что вы знаете нечто, что ВЕРНО и не подлежит сомнению? Ведь счастье знать такое! И это единственное, что можно знать ТОЧНО. . . Послушайте! Нужно всегда говорить правду, а, говоря Правду, вы сможете сказать лишь, что Утром восходит Солнце, что после Зимы всегда наступает Весна.

И тогда никто больше не уедет. . . И не будет последних дней.

Տէր, յղորդեա՛ր ... Տէր, յղորդեա՛ր ... Տէր, յղորդեա՛ր ...

Часть первая

1

Палаток было две: маленькая оранжевая и красная, большая. Они были разбиты рядом друг с другом в десяти шагах от воды, в тени деревьев. Там же, под деревьями, были сумки и рюкзаки. Веревки, которыми была укреплена к кольям оранжевая палатка, были увешаны мокрыми полотенцами, купальниками, плавками и одной парой черных мужских носков.

Из красной палатки доносились звуки гитары. Играющий явно не был музыкантом, но он, видимо, не придавал этому значения. В маленькой же палатке никого не было, а у самой воды на песке загорал человек. Он лежал на животе. На голове у него была белая панамка, и сквозь темные очки он смотрел, как по озеру плывет яхта. На яхте были какие-то люди, но их нельзя было разглядеть. Сверху, с холмов время от времени налетал холодный ветер, и человек, загорающий на берегу, чувствовал, как кожа его покрывается пупырышками.

Он повернул голову и бросил через плечо большой палатке:

В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ

— Заткнись же, наконец!

Но большая палатка оставила его слова без внимания и продолжала извлекать из своего чрева стонущие звуки.

— Аствац им¹, ты можешь не пиликать на этой идиотской гитаре?

Результат был прежним, и человек на берегу опять стал смотреть на озеро. Он только сказал:

— Ну, черт с тобой!

Яхта была уже далеко, и человек посмотрел на противоположный берег — там ничего не было — и на чаек. Чайки истерично смеялись и кружили низко над водой. Человек на берегу подумал: «Почему я так одинок?!»

Потом он крикнул:

— Аэлита! Скажи этому козлу, чтоб перестал!

— Он мне не мешает, — ответили из большой палатки.

«Տըր, պըրըւէշ...» — подумал человек и повернулся на спину. По небу плыли облака. По небу по-прежнему плыли облака, только солнце было где-то в другом месте...

Аэлита же убедилась в том, что треньканье Тиграна на гитаре ей не мешает. «Ну и пусть себе играет, — подумала она и посмотрела на шею, грудь и ноги Тиграна; он был в плавках. В палатке было очень жарко. — Может, жарко от того, что палатка наша красного цвета, — подумала Аэли-

---

¹ Боже мой (арм.).

та. — А почему она красная? Даже смешно. Нигде нет красных палаток. Только наша».

Тигран продолжал играть.

— Я выйду, немного позагораю, — сказала Аэлита Тиграну.

— Не надо, — сказал тот.

— Почему?

— Не надо.

Они продолжали лежать рядом. Тигран играл на гитаре. Человек, загорающий на берегу, этого уже не слышал.

Потом они ушли подальше от лагеря и занимались любовью под деревом облепихи. До них доносился шум воды и крики чаек, но они не прислушивались. Пахло потом, сухой травой и еще чем-то. Они были уверены, что их никто не видит, и это было на самом деле так. Тигран заметил, как белая бабочка села на желтый цветок. БА-БОЧ-КА, пронеслось по слогам в голове, в ритме движений, потом Тигран опять закрыл глаза. Их никто не видел, и они были уверены в этом...

Когда он закурил, она посмотрела на него и улыбнулась.

— Спасибо, — сказала она.

Он ничего не сказал и только погладил ее по щеке. Поцеловать ее он не захотел.

— Смотри, где одеяло. — Она рассмеялась. — Мы далеко ушли.

— Даже слишком, — сказал он. Одеяло, скомканное, пыльное, в травинках, лежало где-то внизу.

В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ

Потом он увидел, как по бедру молодой женщины ползет божья коровка. — Щекотно? — спросил он.

— Нет. Почему она не взлетает? — спросила она, и, когда божья коровка доползла до живота, Аэлита напрягла мышцы. Божья коровка, обогнув пупок, поползла к груди.

— Ты ей нравишься, — сказал он.

— В таком случае она должна была остановиться вот здесь. — Она положила туда его руку. Потом стряхнула с себя насекомое и прижалась к мужчине.

— Докуривай скорее, — сказала она.

— Ты что, хочешь еще?

— Да. А что?

— Пойдем лучше в лагерь.

— Не хочу.

— А по-моему, лучше вернуться. Нас уже давно нет. Они будут волноваться.

— Вряд ли. И ты это знаешь. Что там? — Она показала рукой.

— Яхта. — Он знал, что она без очков плохо видит. — Уже возвращается. Давай и мы вернемся.

— Ну, что ты хнычешь? Надоело! — Аэлита села. Она была очень молодая и красивая.

— Нам надо вернуться, — сказал он. — Я чувствую это.

— А ты ничего другого не чувствуешь? — Она прикоснулась к нему рукой.

Он улыбнулся:

— Да. Чувствую.

Ованес АЗНАУРЯН

— Зачем же нам возвращаться?

— Пожалуй, ты права.

— Если что-нибудь случится, они нас позовут.

— Да, — согласился он.

— Тогда лежи спокойно, — сказала она.

И он бросил подальше окурок.

— Я сейчас покажу, в чем была ошибка божьей коровки, — сказал он.

Она ответила:

— Покажи. Покажи...

А потом они услышали свои имена. Их звали.

— Что там могло случиться? — Он был недоволен.

Она, не открывая глаз:

— Какая-нибудь чепуха.

Когда они вернулись в лагерь, все уже бежали туда-сюда и был настоящий переполох.

— Что нам теперь делать? — Аэлита плакала.

— Не надо было упускать яхту!

— Тигран, мне страшно!

— Слушай, ты не знаешь, куда остальные идиоты подевались? Нам машина нужна! Где же этот апуш¹ Гарик?

— Нет же, нет!

— Продолжай звать их... Громче! Зови Гарика! Зови Маргариту!

Тигран вылил две кружки севанской воды на того, кто лежал на прибрежном песке. Солнце уже за-

---

¹ Идиот (арм.).

В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ

ходило за холмами. Оно было там, где и должно было быть.

Не было только яхты.

Севан — высокогорное озеро, находящееся на высоте около 1900 метров над уровнем моря, и простой радиоприемник VEF 202 ловил «Монте-Карло» и даже «Радио Свобода». Благодаря этому радиоприемнику они тем летом и узнали, что умер Джо Дассен (Гарик: «Помните ту песню, «Salut»? Вот этот певец умер...»), а за месяц до того — «В Москве умер муж Марины Влади Владимир Высоцкий». И они потом долго обсуждали:

— Высоцкий умер! Высоцкий умер!

Лежащего же тем летом 1980 года в бессознательном состоянии на берегу озера Севан звали Ваге Саакян. Ему, как и остальным, в том числе и Тиграну, который спас его в итоге и с которым Ваге познакомился накануне, шел двадцать третий год. Он писал рассказы и мечтал вступить в ряды Союза писателей Армянской ССР и печататься в легендарном журнале «Гарун»¹. Тогда главным редактором еще была Анжик Акобян...

---

¹ «Гарун» — «Весна» (арм.) — литературно-художественный, независимый общественно-политический журнал. Печатается в Ереване с 1967 года. Публикует прозу и поэзию армянских известных и молодых писателей, а также эссе, статьи и интервью по социальным, экономическим, этическим, научным, образовательным вопросам.